



ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности
в условиях формирования многополярного мира
THEMATIC DOSSIER:
Traditional and Non-Traditional Security Threats in the Context
of the Formation of a Multipolar World

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-7-17

EDN: ISUNLH

Научная статья / Research article

Культ безопасности в современных международных отношениях

О.С. Гайдаев  

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 gaydaev-os@ranepa.ru

Аннотация. В центре внимания исследования — феномен «культа безопасности», пока не получивший должного рассмотрения в науке о международных отношениях. Цель и новизна работы заключается в восполнении этого пробела и теоретическом осмыслении данного явления с точки зрения международной политики. Ключевое внимание уделяется вопросу происхождения культа безопасности, которое связывается с процессом расширения трактовки безопасности в политической практике и исследовательской литературе. В ходе работы автор обращался к конструктивистскому, герменевтическому подходам, а также историографическому анализу. Материалами для исследования послужили два направления научных изысканий, отразивших тенденцию к расширительной трактовке безопасности: стратегические исследования и исследования проблем мира. Автор приходит к выводу, что расширение трактовки безопасности, наблюдаемое с 1960-х гг., внесло невольный вклад в становление культа безопасности в международной политике. Его главной особенностью является постепенное распространение практик безопасности, связанных с воспроизводством и конструированием общественных страхов на все сферы жизни человека и общества. В перспективе принимаемые меры безопасности еще больше подстегивают беспокойство и конфликтность в международных отношениях, приводя к дальнейшему усилению этих мер, отмене базовых принципов либерализма и превращению избыточного контроля в часть обыденной политической жизни. В современных условиях культ безопасности складывается из ряда взаимосвязанных тенденций: расширения трактовки безопасности, обострения глобальных геополитических противоречий, медиатизации публичной политики и деятельности «профессионалов безопасности». Указанные тенденции в совокупности могут оказывать долгосрочный эффект на политическую жизнь современных обществ, выходя за рамки текущих геополитических противоборств. В заключении приводится ряд примеров проявления культа безопасности в современной

© Гайдаев О.С., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

политической практике. Констатируется многообразие проявлений данного феномена в международной жизни, а также необходимость дальнейших изысканий по данной теме.

Ключевые слова: международная безопасность, национальная безопасность, стратегические исследования, исследования мира, секьюритизация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гайдаев О. С. Культ безопасности в современных международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-7-17>

The Cult of Security in Contemporary International Relations

Oleg S. Gaidarov  

North-West Institute of Management of RANEPA, Saint-Petersburg, Russian Federation

 gaydaev-os@ranepa.ru

Abstract. The article focuses on the phenomenon of the ‘cult of security,’ which has not yet been adequately studied in international studies. The aim and novelty of the paper is to try to fill this gap and to theorize this phenomenon from the perspective of international politics. The key attention is paid to the issue of the origins of the security cult, which is associated with the process of widening of security in political practice and research literature. In the course of the study, the author applied constructivist and hermeneutic approaches, as well as historiographical analysis. The materials used include two areas of research that reflect the tendency towards widening of security: strategic studies and peace studies. The study concludes that the widening of security since the 1960s has unwittingly contributed to the emergence of a security cult in international politics. Its main feature is the gradual extension of security practices related to the reproduction and construction of social fears to all domains of human and social life. In the long run, the security measures taken further can exacerbate anxiety and conflict in international relations, leading to a further strengthening of these measures, the abolition of the basic principles of liberalism, and the transformation of excessive control into a part of everyday political life. In modern conditions, the cult of security consists of a number of interrelated trends: the widening of the security discourse, the intensification of global geopolitical contradictions, the mediatization of public policy and the activities of ‘security professionals.’ Taken together, these trends can have a long-term effect on the political life of modern societies, going beyond the current geopolitical confrontations. The article concludes with a number of examples of the manifestation of the cult of security in contemporary political practice. The author states the diversity of manifestations of this phenomenon in international life, as well as the need for further research on this subject.

Key words: international security, national security, strategic studies, peace studies, securitization

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Gaidarov, O. S. (2025). The cult of security in contemporary international relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 7–17. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-7-17>

Введение

Термин «культ безопасности» является сравнительно новым в отечественных исследованиях и восходит к работам ряда российских философов (Фатенков, 2021) и историков (Коцюбинский, 2022). В международных исследованиях данному явлению прежде не уделялось внимания, хотя безопасность по праву считается одним из краеугольных концептов политической науки.

Этот термин, как представляется, может служить метафорой, призванной продемонстрировать ряд взаимосвязанных тенденций в международных отношениях: расширение трактовки безопасности, обострение глобальных политических противоречий, медиатизация публичной политики (Согомонян, 2022) и связанный с этим рост явления «нового популизма» (Водак, 2018), а также деятельность так называемых «профессионалов безопасности»

(термин Парижской школы исследований о международной безопасности), поощряющая систематическое воспроизводство дискурсов о небезопасности (Bigo, 2002). В совокупности эти тенденции оказывают долгосрочный негативный эффект на политическую жизнь современных обществ, приводя к повышению конфликтности и целому ряду разнообразных ограничений.

В рамках статьи осуществляется первый шаг на пути к теоретическому осмыслению сложившегося культа безопасности и объяснению истоков его происхождения, связанных с расширением трактовки безопасности в исследовательской литературе. Для этого автором привлекаются элементы конструктивистского, герменевтического подходов, а также историографического анализа. Первая часть работы посвящена рассмотрению академических дебатов о международной безопасности времен холодной войны (Как происходило расширение трактовки безопасности? Какими мотивами и аргументами руководствовались эксперты прошлых лет?). Вторая часть посвящена обсуждению эффектов культа безопасности в международной политике и некоторым примерам его проявления в реальной политической практике.

Расширительная трактовка безопасности: история вопроса

Необходимо отметить, что сам по себе термин «безопасность» относится к ряду понятий, обозначаемых в научной литературе как «концепции, оспариваемые по существу» (*essentially contested concepts*) (Gallie, 1969). Любая современная трактовка безопасности не обходится без упоминания многогранности этого понятия (Сергунин, 2005, с. 128), учитывающего как «жесткие» (военные), так и «мягкие» формы безопасности (экономические, социальные, экологические, информационные, продовольственные и пр.). Неясная трактовка безопасности и его конкретного наполнения является важным элементом любой государственной политики, открывая влиятельные рычаги во внутренней и внешней политике (Buzan, 1983, p. 9). Отчасти именно поэтому, а также ввиду трудности в

использовании и интерпретации понятия «безопасность» для нее не существует универсального определения.

В этой связи в рамках данной статьи безопасность рассматривается в конструктивистском ключе как форма социальной или дискурсивной практики, «направленной на изменение расстановки политических приоритетов» (Морозов, 2011, с. 25). Таким образом, изучая безопасность как практику, возможно проследить изменения в использовании и понимании данного термина. Под расширительной трактовкой безопасности понимается интерпретация безопасности, допускающая расстановку политических приоритетов в пользу невоенных угроз и вызовов.

На вопрос о том, когда именно в международных исследованиях утвердилась расширительная трактовка безопасности, исследователи часто говорят о конце (Игнатьева, 2017, с. 87) или о двух последних десятилетиях XX в. (Ланцов, Усмонов, 2008, с. 159). Именно в этот период появляются такие важные для современной теории международных отношений концепты, как «референтный объект безопасности», «секьюритизация», «сектора безопасности», «личностная безопасность», «всеобъемлющая безопасность». Отечественный исследователь В.Н. Конышев (Конышев, 2004, с. 141) также полагает, что первые четкие призывы к необходимости расширительной трактовки безопасности можно обнаружить в трудах Ричарда Ульмана (Ulmann, 1983, p. 129).

Однако, как представляется, существуют основания утверждать, что расширительная трактовка безопасности начала складываться в международных исследованиях значительно раньше указанного периода.

Здесь могут быть возражения, ведь вплоть до окончания холодной войны международная безопасность трактовалась с точки зрения традиционных подходов, ставивших во главу угла военно-силовые аспекты безопасности государств (Кочетков, 2010, с. 30). В разгар холодной войны между СССР и США угроза полномасштабного военного столкновения и взаимного ядерного уничтожения перекрывала собой все остальные аспекты международной безопасности. Соглашаясь с вышесказанным,

следует все же отметить, что доминирование (в большей степени в США, в меньшей степени — в Европе) традиционных и относительно узких трактовок международной безопасности времен холодной войны никогда не исключало существование других исследовательских взглядов, традиций и подходов, в которых начиная с 1960-х гг. также можно было проследить тенденцию к расширенному толкованию безопасности.

В данной работе уместно остановиться на двух направлениях исследований, зародившихся во времена холодной войны и по-разному, в собственной индивидуальной манере, отражавших тенденцию к расширению трактовки безопасности и создавших предпосылки к возникновению современного культа безопасности: стратегические исследования (*strategic studies*) и исследования проблем мира (*peace research*).

Стратегические исследования: от узких трактовок к «большим стратегиям»

Стратегические исследования — это междисциплинарная область исследований о международной безопасности, зародившаяся в 1950-е гг. в США и Великобритании и главным образом посвященная изучению изменений в характере силовой политики после появления ядерного оружия для оптимизации использования военной мощи и рационализации методов принуждения в ходе достижения политических целей (Kamal, 1978, p. 15).

Примечательно, что сама идея стратегических исследований, на первый взгляд полностью сфокусированная на военно-силовых аспектах политики государств, была порождена стремлением выйти за рамки узкой интерпретации стратегии, понимавшейся в сугубо военном ключе. В своем основополагающем эссе «Стратегия как наука» американский военный историк и стратег Бернард Броди связывал зарождение нового поля исследований с необходимостью преодолеть засилие военных профессионалов в обсуждении вопросов стратегии: «...Не столько потому, что военные появятся там, где им не место, сколько потому, что в процессе их появления там, где им, по крайней мере,

частично, есть место, их советы будут нести в себе недостатки, присущие им не как дипломатам, а как солдатам» (Brodie, 1949, p. 467). Соответственно, главной целью стратегических исследований должно быть содействие грамотной «политике безопасности», заключающейся «во всесторонней подготовке к войне», ведении войны, а также имеющей дело «с политическими, социальными, экономическими и военными вопросами как внутри страны, так и за ее пределами» (Brodie, 1949, p. 477).

По существу, в данной Б. Броди формулировке уже можно усмотреть признаки того, что позже будет названо «расширительной трактовкой безопасности». С высоты сегодняшнего дня высказанная американским стратегом мысль кажется очевидной — любая политика безопасности состоит как из военных, так и невоенных аспектов. Вместе с тем очевидно, что сколь бы сильно ни расширялся перечень невоенных аспектов, это расширение всегда будет носить ограниченный характер, ведь политика безопасности по Б. Броди — это привилегия исключительно государства, и ее конечное предназначение — подготовка к войне.

Разразившийся в 1973 г. мировой энергетический кризис также способствовал развитию стратегических исследований и принятию более широкой трактовки безопасности. Именно в этот период активно формируется секторное мышление в отношении безопасности — представление о том, что национальная безопасность может быть разделена на своего рода проблемные области или сектора: экономическую (Nye, 1974), энергетическую (Deese, 1979), продовольственную (Hopkins & Puchala, 1978) и ресурсную (Connely & Perlman, 1975) безопасность.

Таким образом, в рамках стратегических исследований уже к 1980-м гг. сложилось достаточно широкое представление о безопасности, учитывающее как военные, так и невоенные аспекты стратегии и источники угрозы. Эта точка зрения подкреплялась в том числе соображением, что определение национальной безопасности исключительно в военном смысле давало искаженное представление

о реальности и уменьшало совокупную безопасность государства (Ulmann, 1983, p. 129).

Здесь в то же время сохранялась некоторая двойственность: западные исследователи, с одной стороны, признавали важность невоенных аспектов безопасности, весьма логично утверждая, что «военная мощь не гарантирует благополучия» (Walt, 1991, p. 213). С другой стороны, вся логика подобных исследований диктовалась соображениями исключительно государственной безопасности и национальных интересов, руководствовалась мотивом предотвращения крупномасштабных военных конфликтов посредством поддержания баланса сил. Иными словами, с точки зрения стратегических исследований вышеназванные сектора безопасности (сколь много бы их ни было) — не более чем составляющие национальной безопасности и переменные в общей государственной стратегии, направленной на реализацию национальных интересов (главным образом США).

Если стратегические исследования — это в большей мере интеллектуальный продукт эпохи холодной войны с характерными для того времени исследовательскими вопросами и проблемами, то их текущим «преемником» можно назвать теорию «большой стратегии» (*grand strategy*). Как отмечают современные западные исследователи, сегодня было бы необычно, если бы в учебной программе по изучению безопасности не было бы хотя бы одного курса с названием «Большая стратегия» (Silove, 2018, p. 27). Это направление исследований, получившее широкую известность на Западе, унаследовало тот же образ мысли и логику действий, присущую стратегическим исследованиям: обеспечение ключевых государственных интересов военными и невоенными средствами, где экономическая мощь, военная сила, политические, социальные и дипломатические меры являются «строительными блоками» стратегии¹. Нетрудно догадаться, что при таком подходе безопасность может трактоваться очень

широко, охватывая все сферы жизни человека и общества, коль скоро они связываются с ключевыми государственными приоритетами.

Исследования проблем мира: на пути к «вечной» безопасности

Принципиально иную линию рассуждений в вопросе расширения трактовки безопасности можно проследить на примере исследований проблем мира — междисциплинарном поле исследований о вопросах войны и мира.

Эта интеллектуальная традиция имеет богатую историю, уходя корнями в немецкую классическую философию. Здесь уместно вспомнить трактат немецкого философа И. Канта «К вечному миру» (1795 г.), в котором уже довольно отчетливо прослеживается одна идея, крайне важная для понимания рассматриваемой проблемы. Суть этой идеи состоит в следующем: мир между государствами и народами в теории достигается двумя способами. Первый способ предполагает заключение перемирия — это временное отсутствие войны, а потому нестабильный, лишь «относительно устойчивый мир» (Иншаков, 2021, с. 237). Второй способ — это создание необходимых предпосылок для преодоления логики конфронтации и необходимости войны в принципе, обеспечивающих наступление прочного, «вечного мира».

Буквально в самом начале своего трактата философ ясно проводит это концептуальное различие: «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основа новой войны. Ибо иначе это было бы только перемирие, временное прекращение военных действий, а не *мир*, который означает окончание всякой вражды и присоединять к которому прилагательное „вечный“ есть уже подозрительный плеоназм» (Кант, 1994, с. 6–7).

Позже в исследованиях о международных отношениях эта идея впервые была переосмыслена и заново сформулирована в классической работе американского профессора Куинси Райта «Изучение войны», где первый способ, то есть отсутствие войны, получил название «негативного мира», а второй —

¹ Grand Strategy: Theory, History & Debates // Columbia University. 2022. URL: <https://polisci.columbia.edu/content/grand-strategytheory-history-debates> (accessed: 09.08.2023).

создание предпосылок и условий для отсутствия войны — стал называться «позитивным миром». Вполне логично, что сам автор работы отдавал предпочтение именно второму варианту, отождествляя позитивный мир с «международной справедливостью» и «духом кооперации» между государствами (Wright, 1942, p. 1091).

Именно появление концепта «позитивного мира» дало импульс развитию и расширительной трактовки безопасности, ведь создание подобных предпосылок и условий для предотвращения конфликтов в принципе требует выхода за рамки узкой интерпретации безопасности, «одержимой» вопросами военного противостояния великих держав.

Как отмечают западные исследователи, уже в 1950–1960-е гг. сложились различные трактовки позитивного мира (Buzan & Hansen, 2009, p. 102), а наибольшую популярность приобрел подход норвежского социолога Йохана Галтунга, включившего в повестку исследований о мире феномен так называемого «структурного насилия». Согласно теории структурного насилия, сформированной на базе ряда марксистских идей, отношения между великими державами не являются единственным фактором, формирующим повестку вопросов международной безопасности. На ситуацию с безопасностью влияет множество факторов невоенного характера, осложняющих жизнь людей по всей планете в системной манере так, что это приобретает черты настоящего насилия: империализм и экономическая эксплуатация богатыми бедных, углубляющееся экономическое неравенство, систематическое нарушение базовых прав человека, продолжающиеся конфликты как внутри западных стран, так и на просторах стран третьего мира (Galtung, 1969, pp. 168, 171, 175).

Идеи Й. Галтунга, несомненно, оказали огромное влияние на то, как стали изучаться и рассматриваться проблемы международной безопасности. В отличие от стратегических исследований безопасность в концепциях позитивного мира стала рассматриваться не столько с точки зрения государств, сколько с точки зрения человеческих сообществ в принципе. Это вполне можно назвать

поворотным моментом в процессе расширения трактовки безопасности: референтным объектом безопасности становится не только государство, но и человек со свойственными для него проблемами, тревогами и страхами. Таким образом, именно под эгидой исследований проблем мира получили системное рассмотрение многочисленные вопросы невоенной безопасности, не связанные напрямую с вопросом выживания государств или политикой великих держав (Diehl, 2016, p. 3). Расширение трактовки безопасности происходило не только по горизонтали (в пользу новых секторов безопасности — экономического, продовольственного, экологического и т. п.), но и по вертикали (в пользу новых уровней безопасности — общечеловеческой и личностной).

В дальнейшем именно в русле этой интеллектуальной традиции были сформулированы концепции общей безопасности (*common security*)², всеобъемлющей безопасности (*comprehensive security*) (Chapman, Reinhard & Gow, 1983) и личностной безопасности (*human security*)³. Для всех названных подходов было характерно дальнейшее расширение трактовки безопасности: рассмотрение человека в качестве референтного объекта безопасности, смещение внимания от военных угроз в пользу вопросов экономики и защиты окружающей среды, признание угроз невоенного характера в качестве причин возникновения конфликтов.

В современных исследованиях о международной безопасности эта традиция находит свое отражение в работах некоторых скандинавских ученых. Так, в частности, норвежская исследовательница Г. Хугенсен Гйорв по полной аналогии с исследованиями о мире выделяет негативную и позитивную безопасность. Негативная безопасность ассоциируется исследователем с традиционным, узким, государственноцентричным восприятием проблем

² Common Security: A Programme for Disarmament. London, Sydney : Pan Books, 1982.

³ Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security // United Nations Development Programme. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1994encompletenostats.pdf> (accessed: 09.08.2023).

безопасности. Позитивная безопасность, напротив, подразумевает максимально широкий набор разносторонних политических интересов и акторов, вовлеченных в обсуждение проблем безопасности. Трактовка безопасности здесь и вовсе не имеет границ, поскольку, по мнению Г. Хугенсен Гйорв, сама природа безопасности изменчива и зависит от контекста исторического времени и международной ситуации (Hoogensen Gjörv, 2012, p. 844).

Другие современные исследователи, по сути, и вовсе отождествляют классическую идею о мире с понятием безопасности, называя негативную безопасность отсутствием угрозы, а позитивную безопасность — своего рода «безопасностью-плюс» (*security plus*), то есть наличием условий для человеческого развития и процветания (Nyman, 2016, p. 823).

Таким образом, идея И. Канта о «вечном мире» получила свое оригинальное продолжение в исследованиях о международной безопасности. Переживая постепенный упадок с конца XX в., исследования проблем мира успели заложить основы расширенного толкования безопасности, которое впоследствии было подхвачено рядом современных концепций: личностной безопасности, всеобъемлющей безопасности и критическими исследованиями о безопасности. Заимствованы они были и политическими деятелями: на сегодняшний день в практике международных отношений трудно представить себе обсуждение современных проблем безопасности без упоминания прав человека, личных свобод, гуманитарных интервенций, дискриминации и неравенства, деградации окружающей среды. Расширение трактовки безопасности в рамках исследований о мире носило беспрецедентный характер, что сыграло заметную роль в развитии культа безопасности, речь о котором пойдет далее.

Последствия расширительной трактовки безопасности и формирование «культа безопасности» в международной политике

Парадоксально, но, судя по всему, невольный вклад в формирование современного культа безопасности внесли приверженцы не

только стратегических исследований, распространившие приоритеты государственной политики на все сферы жизни общества, но и ученые в области проблем мира. Так, к примеру, острой, но справедливой представляется критика тех, кто указывал на главный недостаток уже упоминавшейся теории структурного насилия Й. Галтунга: разработанный концепт не позволяет эмпирически четко отделить состояние мира от состояния насилия (Sylvester, 1980, p. 307) и, по сути, причисляет к структурному насилию все то, что «не нравится» самому автору теории (Boulding, 1978, p. 346). Таким образом, в случае теории структурного насилия «все становится миром» (Buzan & Hansen, 2009, p. 130).

«Все становится безопасностью» — именно так можно назвать неизбежный побочный эффект многих теорий, предлагающих расширенное толкование проблем безопасности. В результате возникает нормативная дилемма безопасности: как писать или говорить о проблемах безопасности, когда эти знания потенциально продуцируют секьюритизацию? (Eriksson, 1999). И следует ли тогда вообще рассматривать нечто с точки зрения безопасности, если это рискует обернуться еще большим расширением трактовки безопасности на практике?

Другая часть проблемы состоит в самом характере интеллектуального наследия, на которое опираются некоторые более современные теоретики и политики. Известно, к примеру, что, рассуждая о вопросах «вечного мира», И. Кант в духе своей эпохи проводит границу между «просвещенными народами» или «цивилизованными государствами» (Кант, 1994, с. 21, 24) и непросвещенными народами или «дикарями» с их «не основанной на законе свободе» (Кант, 1994, с. 19). Разумеется, задача достижения «вечного мира» и построения описываемой И. Кантом «мирной федерации» ложится на плечи цивилизованных государств с республиканской формой правления. Американский исследователь Майкл Дойл, один из авторов теории демократического мира, связывает зарождение такой «мирной федерации» с «либеральной

зоной мира», образованной невоюющими друг с другом либеральными демократиями (Doyle, 1983a, p. 213). Закономерным итогом такого развития событий становится цивилизаторское отношение к народам и государствам, признанным нелиберальными, агрессивность либеральных демократий по отношению к прочим режимам, где условия достижения так называемой «позитивной безопасности» связываются с задачей ликвидации нелиберальных режимов. Силловые инструменты принуждения в отношении таких режимов становятся оправданными, приводя, как признает сам М. Дойл, к интервенционизму во внешней политике, «идеологическим крестовым походам или внутренним „охотам на ведьм“» (Doyle, 1983b, p. 329). Потенциально любые действия, совершаемые «нелиберальными» государствами, ассоциируются с проявлением враждебности и рассматриваются через призму безопасности, а академические теории оказываются встроенными в подобные геополитические нарративы.

Таким образом, секьюритизация как инструмент связывания определенных событий и явлений с нуждами безопасности для оправдания определенного рода политики или действий повсеместно присутствует в современной международной жизни. Некоторые критически настроенные исследователи зачастую характеризуют секьюритизацию как политический инструмент управления и, если это необходимо, — конструирования общественных страхов, используемый для утверждения собственной роли гаранта безопасности и в то же время — маскирования своих политических неудач (Vigo, 2002, p. 65).

Именно в постоянном воспроизводстве и конструировании общественных страхов состоит ключевая особенность безопасности как формы практики, которая благодаря расширительной трактовке понятия «безопасность» распространяется на самые разные виды общественных отношений. Трудно не согласиться с мнением отечественного философа А.Н. Фатенкова, что в современном мире имеет место настоящий «культ безопасности», зачастую подменяющий реальную

защищенность тотальным контролем и засоряющий сознание обывателей фиктивными представлениями об окружающем мире (Фатенков, 2021, с. 106).

По замечанию политолога В.Э. Согомоняна, в условиях развития современных медиатехнологий оказываемый эффект столь силен, что человек, судя по всему, «научился объективировать социальную реальность... посредством инструментов художественного восприятия и конструирования картины мира» (Согомонян, 2022, с. 55). Иными словами, транслируемые с экранов и из уст политиков образы угрозы все легче воспринимаются как реальные и объективно существующие. Все это, в свою очередь, создает хорошие предпосылки для процветания культа безопасности в масштабах, невиданных ранее.

Опасность так называемого «культа безопасности» заключается в том, что он образует порочный круг, в котором принимаемые меры безопасности лишь подстегивают беспокойство и тревогу, побуждая к дальнейшему усилению этих мер. Суть описываемого явления весьма емко изложил известный социолог Зигмунт Бауман в своих рассуждениях о свободе и безопасности: «Как только мы вступаем в игру поиска защиты от опасности, ни один из приобретенных защитных механизмов не представляется нам достаточным... Чем глубже увлеченность постоянным совершенствованием защитных средств, тем глубже и острее становится страх нападения: образ угрозы пугающе растет пропорционально усилению беспокойства о безопасности и надежности защитных мер» (Бауман, Донскис, 2019, с. 171). Указанный культ отчетливо проявляет себя и в странах Запада, ведя к последовательной отмене базовых принципов классического либерализма. Впоследствии, по мнению итальянского философа Джорджо Агамбена, происходит также усиление контроля над повседневной жизнью человека и превращение чрезвычайных и исключительных мер в обыденность политической жизни (Agamben, 2005, p. 104).

Маловероятно, что именно такой исход предвидели эксперты, последовательно, еще с 1980-х гг., призывавшие расширить

толкование безопасности. Так, сами создатели теории секьюритизации предостерегали читателей: при избыточном характере секьюритизация чревата наступлением «международного эквивалента аутизма и паранойи» (Buzan, Wæver & Wilde, 1998, p. 208).

Таким образом, расширение трактовки безопасности в современных условиях обернулось секьюритизацией огромного числа проблем, став одной из причин современного культа безопасности. Некоторые примеры такого рода политики хорошо известны и будут кратко рассмотрены далее.

Вместо заключения: культ безопасности в условиях становления многополярного мира

В пользу довода о формировании культа безопасности в международных отношениях говорит простая статистика. В период с 2000 по 2013 г. количество результатов по поисковым запросам в сети Интернет на тему международной и национальной безопасности увеличилось в 50 и 60 раз соответственно. Разница же между 2000 и 2024 гг. достигает 1000 раз⁴. Количество международных конфликтов в последние годы при этом достигает рекордных значений за всю историю наблюдений⁵.

Есть основания утверждать, что растущая конфликтность в мире — это не причина, а скорее следствие ползучей экспансии логики безопасности на все сферы жизни человека и общества. Любые действия государств на международной арене сегодня могут быть расценены как потенциальная угроза.

Показательный пример — медийное освещение западными странами выхода России из Черноморской зерновой инициативы 18 июля 2023 г. Действия России были охарактеризованы Западом и Генеральным

секретарем ООН в крайне негативном ключе ввиду предполагаемого ущерба, наносимого Россией мировой продовольственной безопасности⁶. В то же время решение России о восполнении дефицита продовольствия и безвозмездной передаче зерна африканским странам⁷ было расценено чиновниками Европейского союза как «циничная политика сознательного использования продовольствия в качестве оружия»⁸.

Другой пример — набирающий в ряде западных стран феномен «френдшоринга»⁹, обязывающий государства отказываться от экономического сотрудничества со странами с иными политическими ценностями из соображений национальной безопасности. С точки зрения мировой экономики данное явление представляет собой неприкрытый протекционизм, ведущий к фрагментации глобальных мирохозяйственных связей.

Также из соображений национальной безопасности США и ряд других стран оказывают давление на социальную сеть *TikTok*¹⁰ и популярный мессенджер *Telegram*¹¹. Из соображений безопасности

⁶ Anderson S. Millions Face Hunger as Russia Withdraws from Black Sea Grain Deal Again // Health Policy Watch. July 17, 2023. URL: <https://healthpolicy-watch.news/millions-face-hunger-as-russia-withdraws-from-black-sea-grain-deal-again/> (accessed: 09.08.2023).

⁷ Рогозянский А. Путин пообещал безвозмездные поставки зерна в Африку // Газета.ру. 28.07.2023. URL: www.gazeta.ru/politics/news/2023/07/28/20964776.shtml (дата обращения: 09.08.2023)

⁸ Russia Must Stop Using Food as a Weapon // EEAS. August 2, 2023. URL: www.eeas.europa.eu/delegations/bosnia-and-herzegovina/russia-must-stop-using-food-weapon_en?s=219 (accessed: 09.08.2023).

⁹ Yellen Calls Out China's Trade Practices During South Korea Visit // Business Standard. June 18, 2022. URL: https://www.business-standard.com/article/international/yellen-calls-out-china-s-trade-practices-during-south-korea-visit-122071801525_1.html (accessed: 20.01.2025).

¹⁰ Feiner L. Trump Says He'll Delay TikTok Ban, but the Platform Must Be Sold // The Verge. January 19, 2025. URL: <https://www.theverge.com/2025/1/19/24347202/trump-tiktok-ban-delay-us-acquisition> (accessed: 20.01.2025).

¹¹ Davies P. Telegram Responds to Legal Pressure by Providing Some User Data to Authorities // Euronews. September 25, 2024. URL: <https://www.euronews.com/next/2024/09/24/telegram-ceo-durov-responds-to-legal->

⁴ При расчетах учитывалась степень охвата мирового населения сетью Интернет. Рассчитано автором по данным поискового сервиса *Google* и Международного союза электросвязи.

⁵ Palik J., Obermeier A. M., Rustad S. A. Conflict Trends: A Global Overview, 1946–2022 // PRIO Paper. 2022. URL: <https://www.prio.org/publications/13178> (accessed: 20.01.2025).

был произведен снос советских памятников в Латвии¹², а в Финляндии запрещена продажа недвижимости российским гражданам¹³.

pressure-by-providing-some-user-data-to-authorities (accessed: 20.01.2025).

¹² Воронцова Т. Рижская дума одобрила снос памятника советским солдатам // RTVI. 13.05.2022. URL: <https://rtvi.com/news/rizhskaya-duma-odobrila-snos-pamyatnika-sovetskim-soldatam/> (дата обращения: 09.08.2023).

¹³ Stur B. Finland Blocks Russian Real Estate Transactions on National Security Grounds // European Interest. December 14, 2024. URL: [https://www.europeaninterest.eu/finland-blocks-russian-](https://www.europeaninterest.eu/finland-blocks-russian-real-estate-transactions-on-national-security-grounds/)

Проявления культа безопасности многообразны и заслуживают отдельного исследования, выходящего за рамки статьи. Несомненно, обострение геополитических противоречий в эпоху разрушения текущего миропорядка усиливает накладываемый эффект. Однако представляется, что последствия широкой экспансии логики безопасности на международные отношения все еще мало изучены и могут быть более глубинными, чем кажется на первый взгляд.

[real-estate-transactions-on-national-security-grounds/](https://www.europeaninterest.eu/finland-blocks-russian-real-estate-transactions-on-national-security-grounds/) (accessed: 20.01.2025).

Поступила в редакцию / Received: 30.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 11.09.2024

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.
- Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков : Гуманитарный центр, 2018.
- Игнатьева И. В. Международная безопасность и актуальные проблемы ее обеспечения // Глаголь правосудия. 2017. № 2. С. 86–92. EDN: YNHSQG
- Иншаков С. М. Идеи И. Канта о вечном мире и право международной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 4. С. 231–242. https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_4_841_231; EDN: VZSMOF
- Кант И. Собрание сочинений : в 8 томах. Т. 7. Москва : Чоро, 1994.
- Коньшиев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. Санкт-Петербург : Наука, 2004. EDN: QODBOV
- Коцюбинский Д. А. «Новый тоталитаризм» XXI века: уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право? Санкт-Петербург : Страта, 2022. EDN: TJUQEY
- Кочетков В. В. Изменения в подходах к международной безопасности в начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 30–35. EDN: MXSLHX
- Ланцов С. А., Усмонов Ф. И. Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4, № 2. С. 151–163. EDN: КОНСQF
- Морозов В. Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24–35. EDN: NRBXFF
- Сергунин А. А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис. Политические исследования. 2005. № 6. С. 126–137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.06.08>; EDN: HSOFSR
- Согомонян В. Э. Политика как сюжет: драматургия современных предвыборных кампаний. Москва : Альпина-ПРО, 2022.
- Фатенков А. Н. Культ безопасности как тоталитарная угроза // Философская антропология. 2021. Т. 7, № 2. С. 104–109. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2021-7-2-104-109>; EDN: DVIETK
- Agamben G. State of Exception. Chicago : University of Chicago Press, 2005.
- Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // Alternatives. 2002. Vol. 27, no. 1 suppl. P. 63–92. <https://doi.org/10.1177/03043754020270S105>
- Boulding K. E. Future Directions in Conflict and Peace Studies // The Journal of Conflict Resolution. 1978. Vol. 22, no. 2. P. 342–354. <https://doi.org/10.1177/002200277802200208>
- Brodie B. Strategy as a Science // World Politics. 1949. Vol. 1, iss. 4. P. 467–488. <https://doi.org/10.2307/2008833>
- Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton : Wheatsheaf Books, 1983.

- Buzan B., Hansen L. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511817762>
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Chapman J. W. M., Reinhard D., Gow I. T. M. *Japan's Quest for Comprehensive Security: Defence, Diplomacy, Dependence*. London : Frances Pinter, 1983.
- Connely P., Perlman R. *The Politics of Scarcity: Resource Conflicts in International Relations*. London : Oxford University Press, 1975.
- Deese D. A. Energy: Economics, Politics and Security // *International Security*. 1979. Vol. 4, no. 3. P. 140–153. <https://doi.org/10.2307/2626698>
- Diehl P. F. Exploring Peace: Looking Beyond War and Negative Peace // *International Studies Quarterly*. 2016. Vol. 60, no. 1. P. 1–10. <https://doi.org/10.1093/isq/sqw005>
- Doyle M. W. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // *Philosophy & Public Affairs*. 1983a. Vol. 12, no. 3. P. 205–235.
- Doyle M. W. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs, Part 2 // *Philosophy & Public Affairs*. 1983b. Vol. 12, no. 4. P. 323–353.
- Eriksson J. Observers or Advocates? On the Political Role of Security Analysts // *Cooperation and Conflict*. 1999. Vol. 34, no. 3. P. 311–330. <https://doi.org/10.1177/00108369921961889>
- Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // *The Importance of Language* / ed. by M. Black. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1969. P. 121–146. <https://doi.org/10.7591/9781501741319-010>
- Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6, no. 3. P. 167–191. <https://doi.org/10.1177/002234336900600301>
- Hoogensen Gjør G. Security by Any Other Name: Negative Security, Positive Security, and a Multi-Actor Security Approach // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38, no. 4. P. 835–859. <https://doi.org/10.1017/S0260210511000751>
- Hopkins R. F., Puchala D. J. Perspectives on the International Relations of Food // *International Organization*. 1978. Vol. 32, no. 3. P. 581–616. <https://doi.org/10.1017/S0020818300031878>
- Kamal N. A. Change and Development in Strategic Studies // *Strategic Studies*. 1978. Vol. 1, no. 4. P. 13–25.
- Nye J. S. Collective Economic Security // *International Affairs*. 1974. Vol. 50, no. 4. P. 584–598. <https://doi.org/10.2307/2615925>
- Nyman J. What is the Value of Security? Contextualising the Negative/Positive Debate // *Review of International Studies*. 2016. Vol. 42, no. 5. P. 821–839. <https://doi.org/10.1017/S0260210516000140>
- Silove N. Beyond the Buzzword: The Three Meanings of “Grand Strategy” // *Security Studies*. 2018. Vol. 27, iss. 1. P. 27–57. <https://doi.org/10.1080/09636412.2017.1360073>
- Sylvester C. UN Elites: Perspectives on Peace // *Journal of Peace Research*. 1980. Vol. 17, no. 4. P. 305–323. <https://doi.org/10.1177/002234338001700403>
- Ulmann R. H. Redefining Security // *International Security*. 1983. Vol. 8, no. 1. P. 129–153. <https://doi.org/10.2307/2538489>
- Walt S. M. The Renaissance of Security Studies // *International Studies Quarterly*. 1991. Vol. 35, no. 2. P. 211–239. <https://doi.org/10.2307/2600471>
- Wright Q. *A Study of War*. Vol. 2. Chicago : University of Chicago Press, 1942.

Сведения об авторе:

Гайдаев Олег Сергеевич — кандидат политических наук, старший преподаватель факультета международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; eLibrary SPIN-код: 7839-0802; ORCID: 0000-0002-5970-3726; e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru